ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА

КОНТЕКСТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
ИМЛИ РАН
2024

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Л 64

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

Редакторы-составители
Елена Юрьевна Кнорре
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Анастасия Георгиевна Гачева
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Рецензенты
Елена Валерьевна Глухова
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Елена Геннадиевна Чернышева
доктор филологических наук, директор Института филологии,
Московский педагогический государственный университет

Л 64 Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е.Ю. Кнорре, А.Г. Гачева. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 840 с.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9
https://elibrary.ru/MLQJCK
ISBN 978-5-9208-0780-9

Коллективная монография представляет новейшие исследования биографии, наследия, судьбы идей Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954). Рассматриваются литературно-эстетические и религиозно-философские аспекты его творчества, выявляются основные константы художественного мира, линии диалога с современниками. Реконструируется культурный ландшафт творческого пути Пришвина — писателя и публициста, краеведа и эколога, мифотворца и религиозного мыслителя. В научный оборот вводятся новые архивные материалы.

Книга адресована филологам и философам, историкам, культурологам, педагогам, всем интересующимся историей отечественной мысли и культуры.

Ключевые слова: творческое наследие М.М. Пришвина, литературный и философский контекст, проблематика и поэтика, Пришвин и его современники.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0780-9

© Коллектив авторов, 2024
© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2024

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9
Approved for publication by the Academical Council of
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Executive Editors

Elena Yu. Knorre, PhD in Philology, Senior Researcher,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Anastasia G. Gacheva, DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Reviewers

Elena V. Glukhova, PhD in Philology, Senior Researcher,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Elena G. Chernysheva, DSc in Philology, Director of the Institute of Philology,
Moscow Pedagogical State University

Knorre, Elena Yu., and Anastasia G. Gacheva, editors
Mikhail Prishvin's Literary Heritage: The Context of National and World Culture, ed.-comp. Elena Yu. Knorre, Anastasia G. Gacheva. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 840 p. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9
ISBN 978-5-9208-0780-9

The collective monograph presents the latest research on the biography, legacy, and fate of the ideas of Mikhail Prishvin (1873–1954). The work considers literary-aesthetic and religious-philosophical aspects of writer's works, and reveals the main constants of the artistic world, lines of dialogue with contemporaries. The monograph reconstructs the cultural landscape of the creative path of Prishvin, being at once a writer and publicist, local historian and ecologist, myth-maker and religious thinker. New archival materials are being introduced into scientific circulation.

The book is relevant to philologists and philosophers, historians, cultural scientists, teachers, and anyone interested in the history of Russian thought and culture.

Keywords: M.M. Prishvin's creative legacy, literary and philosophical context, problematics and poetics, Prishvin and his contemporaries.

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ISBN 978-5-9208-0780-9

© Research Team, 2024
© IWL RAS, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Е.Ю. Кнорре
Предисловие 15

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА

В.И. Тюпа
Вклад Пришвина в теорию литературы 21

Ю.Б. Орлицкий
Пришвин и свободный стих 31

Н.П. Дворцова
Михаил Пришвин о птицах и других крылатых существах 54

Е.Ю. Кнорре
«Я спас и вывел к людям весну света»: китежский текст Михаила Пришвина 75

Н.А. Трубицина
Культурогенные императивы в повести М.М. Пришвина «Мирская чаша» 118

Н.А. Дворяшина
«Религия детства» в творческом сознании М.М. Пришвина 132

И.С. Урюпин
Образ русского пастыря в рассказе М.М. Пришвина «Спас-Чекряк» ... 167

О.А. Богданова
Динамика образа усадьбы в произведениях М.М. Пришвина первой трети XX в.: «У стен града невидимого» (1909), «Адам» (1918), «Кащеева цепь» (1927) 180

О.А. Новикова, Э.Л. Котова
«Ампирный дворец»: Алексино в творческой судьбе Михаила Пришвина 193

Д.В. Барановский
«Кладовая Солнца» М.М. Пришвина в оптике русского космизма 725

Е.С. Твердислова
Михаил Пришвин и Януш Корчак: к проблеме экзистенциально-религиозного понимания детства 740

А.В. Святославский
Проблема супружеской верности в военные годы: на материале произведений М. Пришвина, Г. Николаевой, А. Платонова, В. Некрасова 751

Ю.М. Брюханова
Образ ребенка как элемент метасюжета о затоплении (М. Пришвин, В. Распутин, Р. Сенчин) 773

К.С. Ямщиков
«Дневник» как инструмент стиля: Михаил Пришвин и Витольд Гомбрович 785

В.П. Визгин
«Неспелые души»: Гачев и Пришвин 797

С.А. Абрамов
Публикация и перевод повести Пришвина «Жень-шень» в Италии 809

Н.А. Никулина
Пришвинский читатель «эпохи гаджетов и соцсетей» 823

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-751-772
https://elibrary.ru/GGPAWY
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ПРОБЛЕМА СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ПРИШВИНА, Г. НИКОЛАЕВОЙ, А. ПЛАТОНОВА, В. НЕКРАСОВА

© 2024 г. А.В. Святославский

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007 (https://rscf.ru/project/23-18-01007/).

Аннотация: Коллизия классического «любовного треугольника» получала порой в годы Великой Отечественной войны сугубо драматический характер, когда жены фронтовиков по тем или иным мотивам оказывались связаны с другим мужчиной. В предлагаемой статье рассмотрены четыре произведения, вышедшие из-под пера классиков советской литературы и объединенные попыткой авторов показать и осмыслить художественными средствами различные пути разрешения возникающего конфликта, следуя при этом правдоподобному отражению психологических проблем реальной действительности. В фокусе анализа оказались «Повесть нашего времени» М.М. Пришвина, рассказ «Возвращение» А.П. Платонова, роман «Жатва» Г.Е. Николаевой и повесть «В родном городе» В.П. Некрасова.

Ключевые слова: русская литература XX в., советская литература, социалистический реализм, М.М. Пришвин, А.П. Платонов, Г.Е. Николаева, В.П. Некрасов, военная проза.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Святославский — доктор культурологии, Русская христианская гуманитарная

академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4909-8323

E-mail: av.svyatoslavskij@mpgu.su

Для цитирования: *Святославский А.В.* Проблема супружеской верности в военные годы: на материале произведений М. Пришвина, Г. Николаевой, А. Платонова, В. Некрасова // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е.Ю. Кнорре, А.Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 751–772.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-751-772

THE PROBLEM OF MARITAL FIDELITY IN THE WAR YEARS: BASED ON THE WORKS OF M. PRISHVIN, G. NIKOLAYEVA, A. PLATONOV, V. NEKRASOV

© 2024. Alexey V. Svyatoslavsky

Acknowledgements: The research was carried out at the Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-01007 (https://rscf.ru/project/23-18-01007/).

Abstract: The collision of the classic "love triangle" sometimes acquired a purely dramatic character during the Great Patriotic War, when the wives of front-line soldiers, for one reason or another, turned out to be connected with another man. The proposed article discusses four works that came out from the pen of the classics of Soviet literature and which are united by their attempt to show and comprehend through artistic means various ways to resolve the emerging conflict while following the plausible reflection of the psychological problems of reality. The analysis focused on "The Tale of Our Time" by Mikhail Prishvin, the story "Return" by Andrei Platonov, the novel "Harvest" by Galina Nikolaeva, and the story "In the Hometown" by Viktor Nekrasov.

Keywords: Russian literature of the 20th century, Soviet literature, M. Prishvin, A. Platonov, G. Nikolaeva, V. Nekrasov, military prose.

Information about the author: Alexey V. Svyatoslavsky, DSc in Cultural Studies, Professor, Russian Christian Academy for Humanities

named after Fyodor Dostoevsky, Fontanka Emb., 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4909-8323

E-mail: av.svyatoslavskij@mpgu.su

For citation: Svyatoslavsky, A.V. "The Problem of Marital Fidelity in the War Years: Based on the Works of M. Prishvin, G. Nikolayeva, A. Platonov, V. Nekrasov." *Literaturnoe nasledie Mikhaila Prishvina: kontekst otechestvennoi i mirovoi kul'tury* [*Mikhail Prishvin's Literary Heritage: The Context of National and World Culture*], ed.-comp. Elena Yu. Knorre, Anastasia G. Gacheva. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 751–772. (In Russ.)

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-751-772

Основная коллизия, позволившая нам объединить в одной статье анализ четырех произведений разных авторов, связана с трагически-характерной для военных лет ситуацией с возвращением с фронта мужчин, считавшихся погибшими, что в той суровой реальности порой позволяло их женам связать себя с другим мужчиной, причем руководствуясь разными мотивировками: вспыхнувшее чувство влюбленности; жалость к такому же, как муж, фронтовику, вернувшемуся по инвалидности; страдание от одиночества; попытка найти детям нового отца, чтобы не росли сиротами…

Пришвинская «Повесть нашего времени», с одной стороны, органично вписывается в разрабатываемую всю жизнь Пришвиным проблему поиска гармонии личности с миром, а с другой — становится ответом на ситуацию войны, шедшей уже четвертый год и успевшей наложить серьезный отпечаток на массовую психологию народа. Исследователи отмечали, что эта вещь у Пришвина несколько выбивается из остального творчества видимым отсутствием привычного интереса к природе, автор сдвигает акцент с традиционной для себя темы человека в природе в сторону социальных отношений.

Оригинальной особенностью повести представляется выстраивание системы персонажей на сочетании принципов оппозиции и общности: главные герои представлены как носители в чем-то противоположных взглядов и характеров, но при этом

все они одинаково дороги автору и видятся рассказчику Алексею Михайловичу вполне положительными героями, таким образом, с самого начала просматривается главная идея повести — единство народа.

Экспозиция произведения сразу включает в себя основные образы, опорные точки проблематики: любовь, война, мирская чаша. «Мирской чашей» автор предполагал озаглавить само произведение, поскольку его старая повесть «Мирская чаша» начала 1920-х гг., читателю 1940-х была неизвестна и путаницы бы не возникло. Теперь речь идет не просто о чаше страданий, но образ вмещает в себя оба значения слова «мир» — *мир* как социум (*мір* — в старой орфографии) и *мир* как гармония отношений.

Оппозиция главных мужских характеров в «Повести нашего времени» строится так, что готовящемуся вступить в партию материалисту Алеше противопоставлен сын церковного старосты, православный агроном Ваня. Смиренный незлобивый Ваня служит общему делу, но душа его устремлена в вечность, и он находит ее в красавице и умнице благообразной жене Анне Александровне (ее рассказчик величает исключительно по имени-отчеству): «И тут Ваня определился весь: в послушании своем Анне Александровне он сразу нашел себе вечность, как и отец его Гаврила Алексеевич, конечно же, чувствовал вечность, больше полстолетия простояв в одной и той же кладбищенской церкви за ящиком» [Пришвин, 2006, с. 158].

«Совсем другой был Алеша: церковная благопристойность и неподвижность, сиявшая вокруг Гаврилы Алексеевича, мне кажется, его чуть ли не с детства от себя отталкивала, и отсюда, вероятно, и шло его озорство. Он, конечно, мог бы унаследовать свое вольнодумство от толстовца, отца своего, но ведь вольнодумство Мирона Ивановича стоило послушания Гаврилы Алексеевича: извольте под властью Толстого провести десять лет, а потом под властью Достоевского, и так всегда под чьей-нибудь властью. Но у Алеши все шло от себя» [Пришвин, 2006, с. 159]. «От себя» — относится у Пришвина к некоей естественной, органической морали, когда отвергающий христианскую мораль,

по сути, следует ей практически — как голосу своей совести. Это важный момент для мировоззрения Пришвина, поэтому в тексте рассказчик постоянно подчеркивает равную привязанность свою к обоим героям как достойным личностям. Герои не сходятся во взглядах, но не конфликтуют, а затем приходит война, оба оказываются на фронте и считаются погибшими.

Видимая оппозиция женских образов также преодолевается последовательно выражаемой к ним симпатией рассказчика. Обе героини дороги ему: образцовая жена, мать, хозяйка — жена Вани Анна Александровна, и легкомысленная «женщина-птичка» — жена Алеши Милочка.

Анна Александровна — тип, казалось бы, чуждый советской власти: дочь местного лесопромышленника, религиозная, но именно ей поет гимн любви и восхищения автор. Анна Александровна не ссорится с соседями, стараясь просто не общаться с искушающими ее, она красива, дородна, домовита, многочадна, рассказчик Алексей Михайлович любуется присущим ей единством внешней красоты и внутреннего благообразия. Выразительна сцена проводов героиней мужа на фронт, где лицо ее рисуется как лик: «Никто не видел слезинки на ее лице, строгом, освещенном, как двумя лампадами, большими карими глазами. Проводила она его до совхоза, там обняла, перекрестила, как своего ребенка, и вернулась просто к детишкам, принялась стирать, убирать, как будто ничего совсем не случилось особенного. Но все заметили, однако, что черты ее лица изо дня в день стали обрезаться, и все лицо в новой его строгости стало получать новый смысл» [Пришвин, 2006, с. 175]. Анну Александровну ждет страшное испытание — похоронка на мужа, которую она стойко переносит, посвятив себя целиком детям.

Легкомысленная же Милочка вышла за Алешу-бухгалтера без большого чувства привязанности, она тоже провожает мужа на войну, при этом, напротив, плачет, но слезы эти оказываются особого рода: «Так вот, когда Милочка провожала на войну Алексея Мироныча и неутешно плакала, только мы с Анной Александровной понимали, откуда брались у Милочки слезы:

она этими слезами смывала все прежние свои “не тот” и смыть не могла. Наверно, Алеша был ей и вправду “не тот”» [Пришвин, 2006, с. 179].

Вокруг этого «не тот» и завязывается в дальнейшем важнейшая коллизия в отношениях мужчин и женщин военного времени, когда Милочка, не дождавшись законного мужа, пускает к себе в дом сожителя — электромонтера Сережу, тоже фронтовика, демобилизованного по инвалидности. При этом Милочка не отрекается от мужа, она верит, что он жив, но в диалоге с Анной Александровной утверждает, что любит… обоих! Сам диалог принципиально важен для понимания не только позиции всепрощающей Анны, но для позиции самого автора. Приведем его, начиная с реплики Анны:

> — Да, я всегда так думала, что ты не любила Алексея Мироныча.
>
> — Это неправда, я его и сейчас люблю, и даже очень, но то совсем другое — на том свете, а здесь я Сергея люблю для себя.
>
> — А письма еще не было?
>
> — Так и не было, но я знаю: он должен быть жив.
>
> — Знаешь – и не тревожишься?
>
> — Нисколько: я люблю того и другого, но только совершенно по-разному. И никто не может на меня обижаться [Пришвин, 2006, с. 201].

Кульминацией этой сюжетной линии является возвращение считавшегося погибшим Алеши домой, где он застает Сережу, но, вопреки возможным ожиданиям, конфликта не происходит. Алеша воспринимает все без внешних эмоций, а жена с новым спутником своим выхаживают его, пострадавшего от обморожения и изнемогшего. В главе «О дружбе» читаем: «На другой день после возвращения Алексея Мироныча, конечно, не только весь наш поселок загудел, как пчелиный рой, а далеко вокруг по деревням и селам женщины передавали друг другу дивный случай в поселке “Ключ правды”: старый муж вер-

нулся с войны, а новый бегал для него в поселке за корытом и одеялом» [Пришвин, 2006, с. 219–220]. Разъясняется ситуация устами Вани: «Иначе и быть не может, и вы ждите этого уверенно: истинная дружба к вам с фронта придет. Вот вы тут себе домики настроили, одному так удастся, другому иначе, спорите между собой, завидуете, огорчаетесь. А там всем задача одинаковая: рубить дом для всех» [Пришвин, 2006, с. 220]. Именно Ване доверена авторская мысль о том, что фронтовое братство явило пример единения людей и должно стать залогом гармонии в мирной жизни. Разрешается же объективный конфликт «классического треугольника» уходом от жены и из поселка законного мужа — в поисках нового места для себя в жизни.

Рассказчик интересуется у Алеши, не обида ли есть причина такого решения. Оказывается, нет: «Когда и с кем я за свое личное воевал или даже обижался, — отвечает тот. — Милочку ты тоже знаешь: я ей сейчас только глазом моргну, и она уйдет за мной на край света, потому что уйти на край света за мной будет у нее не для себя, и в этом она себе находит источник силы и решимости. А Сережу она любит для себя, только для себя. Вот я и хочу весь труд жизни себе взять, чтобы она пожила» [Пришвин, 2006, с. 225]. Впрочем, оказывается, что не только счастье Милочки, которую Алеша освобождает от жертвы следования супружескому долгу, но и еще некий его собственный долг движет им. Фактически он идет получить направление на работу «в разоренных местах», но моральный смысл дальнейшего пути объясняет следующим образом: «Довольно у нас на Руси бога искали, а я знаю одно, что за правду иду, делать ее иду» [Пришвин, 2006, с. 226]. То есть традиционный для русской культуры путь богоискательства и правдоискательства заменяется «деланием правды». Звучит это все достаточно абстрактно, но в рамках выстроенных в повести бинарных оппозиций выглядит как оправдание возможности служения делу правды при внешнем отказе от идеи Бога.

«Повесть нашего времени» — вещь, в которой Пришвин последовательно проводит свою любимую мысль о необходимости поисков гармонии, тем более, когда единение народа в условиях страшной войны стало условием спасения самой России. Он предвидит трудности с публикацией и обращается с просьбой к коллегам по писательскому цеху и, наконец, к руководству, устраивая чтения «Повести», получает положительный отклик от К.А. Федина и Н.Н. Асеева, но их мнение не решает дела. Не в силах достучаться до руководства Союза писателей в лице Д.А. Поликарпова и Н.А. Тихонова, писатель решает направить рукопись прямо в Кремль М.И. Калинину, озаглавив ее «Повесть нашего времени», что подчеркивает форму летописного нарратива, а с другой стороны, обращает внимание на значимость исторического момента. В сопроводительном письме Пришвин оговаривает важную особенность своей позиции, говоря о соединении в повести «требования к себе как к художнику слова, как к советскому гражданину и природному русскому человеку» [Пришвин, 2013, с. 71], т. е. затрагивает социальную корреляцию понятий «советский» и «русский». В связи с этим обратим внимание на постепенный разворот культурной политики И.В. Сталина к традиционным национальным ценностям, связанным с представлением о русскости, а не только «советскости», что означало частичный отход от классово-интернациональной парадигмы, в рамках которой в послереволюционные годы был взят курс на размывание культуры этноса как помехи на пути к мировой революции. Война усилила этот разворот, в 1943 г. предпринимается возрождение Московской патриархии, открывают ряд ранее закрытых храмов, т. е. происходит то, что иногда называют «сталинским церковным ренессансом». Позиция автора «Повести» в ориентации на «природного русского человека» предполагает отступление от идеологического канона соцреалистической литературы, в которой положительный герой должен быть атеистом. И это, казалось бы, соответствует духу момента, потому что война сама по себе толкнула многих простых людей к вере в Бога, однако государственного

атеизма и канонических установок соцреализма никто в СССР не отменял. Калинин на встрече с Пришвиным в Кремле разъясняет писателю неправомерность, в частности, эпизода с церковным праздником в день возвращения Ивана Гавриловича домой: «Человек приходит с войны и припадает к церкви, себя, так сказать, предает. Между тем, если это наше отношение к церкви, то оно совсем не то. Мы не согласны с церковным учением, но мы допускаем, раз они не дерутся, то пусть молятся. Но это далеко не значит какое-нибудь сближение» [Пришвин, 2013, с. 119].

«Проблема с публикацией “Повести нашего времени” была явно идейно-политического характера, и Калинин, конечно же, осознавал, что произведение Пришвина заведомо не соответствует ни одному из принципов социалистического реализма, которыми неукоснительно должны были руководствоваться в то время все советские литераторы» — отмечают исследователи творчества Пришвина [Подоксенов, Телкова, с. 48].

Какое-то время после посещения Калинина Пришвин все же пытается продвинуть повесть в печать, обращаясь к А.К. Тарасенкову, Вс. Вишневскому, Ф.И. Панферову, но тех тоже смущают «религиозные символы». В отношении оппозиции мужских характеров — верующего Вани и материалиста Алеши — в письме к Вс. Вишневскому Пришвин так раскрывает свой замысел: «Ее (повести. — *А.С.*) гражданский план был противопоставить достойного гражданина православной культуры достойному гражданину революционной культуры, как богоборца» [Пришвин, 2013, с. 363]. Но читающему «Повесть» очевидно, что «противопоставить» не значило у Пришвина осудить верующего. Писатель признается, что рассчитывал на понимание со стороны Калинина, который «поймет меня и признает, как *русский человек*» [Пришвин, 2013, с. 363] (курсив наш. — *А.С.*). Такое же непонимание встречает Пришвин со стороны возглавляемой Вишневским редколлегии журнала «Знамя». «Увы! Из рецензий членов Вашей коллегии, — продолжает Пришвин в цитированном письме, — я убедился в том, что мое чувство России, ее языка, ее народа не вызывает созвучия, что “родина” принимается исключитель-

но в смысле политическом, так же как и церковь» [Пришвин, 2013, с. 363].

Эта фраза Пришвина имеет принципиальное значение для понимания всей культурной ситуации в Советской России, явившей себя в дихотомии: понимание родины как всей русской культурной традиции — или как политико-идеологического образования, где идеологема «советский» не оставляет места патриотизму «русскому».

Примечательно, что в вышедшей в начале 1960-х гг. монографии о Пришвине А.И. Хайлова образ верующего Вани в целом отмечен как вызывающий симпатию, но с оговоркой: «Милочка, как и Ваня, в какой-то степени человек-потребитель, который любит “для себя, только для себя”» [Хайлов, с. 116]. Все бы так, но исследователь ссылается на цитату из текста «Повести», в которой речь идет *исключительно* о Милочке, без упоминания о Ване.

Пришвин готов возразить критикам тем, что он верен принципам реализма: религиозный мечтатель Гаврила, отец Вани, не может быть иным, потому что «происходит <…> от тех старых начетчиков русских, которые верили даже, что книга падает с неба, кроме того, — добавляет Пришвин, — русская народная старина, выходя за пределы “тайны”, ничем не может вредить никому» [Пришвин, 2013, с. 342–343]. Однако совершенно ясно, что дело здесь далеко не в реализме, религиозный смысл «Повести» не сводится к изображению верующих отца и сына Староверовых. Повесть вся, насквозь, являет пример торжества *практической* христианской любви и гармонии в тяжелейший период российской истории.

Полемизируя с успевшими познакомиться целиком или отчасти с текстом повести, Пришвин предвидит самое серьезное возражение против написанного им именно в том, что «многим солдатам на фронте будет тяжело читать, как изменила Милочка своему мужу» [Пришвин, 2013, с. 343]. Самое серьезное, потому что «автору в этом случае нечем защищаться». Вот здесь и возникает вопрос, зачем Пришвину такой поворот сюжета,

значительно снижающий шансы на публикацию произведения? «Единственным выходом, — читаем мы в дневнике, — я считаю для себя, как автора, что м<ожет> б<ыть> таких глупых солдат, из-за которых должна быть приостановлена мысль, вовсе и не существует, особенно в наше время, когда все так поумнели. По-моему, каждый, даже самый простой человек, поймет, что “измена” Милочки, ее “любовь” для себя изображается как невольная уступка» [Пришвин, 2013, с. 343]. Невольная уступка кому? Инвалиду-фронтовику Сереже? Вполне реалистично — как проявление женской жалости. Однако возможно и иное прочтение: как уступка собственному желанию. Ведь, как говорит в концовке повести хорошо знающий свою жену Алеша, «Сережу она любит для себя, только для себя» [Пришвин, 2006, с. 225].

Возможно, оправдание автора надо искать в словах, делегированных им рассказчику, «Нестору нашего времени», который все-таки «не Соломон» и вынужден как летописец свидетельствовать только о том, что было на самом деле:

> Втайне мечтая написать о любви Милочки, как царь Соломон, я смотрю на Нестора, пишу не как мне хочется, а держусь в краях чаши, испиваемой всем народом. Сейчас, когда пришло это страданье, я будто впервые мыслью своею вошел в свою жизнь, и мне стало ясно: если я *правдиво* расскажу о том, как мы жили в нашем поселке во время войны, этим я и выполню свое малое дело [Пришвин, 2006, с. 153] (курсив наш. — *А.С.*).

Что касается поступка Милочки, то тем легче уступить новому мужчине, чем меньше душевная привязанность к законному мужу, ведь об этом союзе уже сказано: «в этом браке <…> вечности нет» [Пришвин, 2006, с. 160]. Как бы готовя читателя к возможности разрыва Милочки с Алешей, Алексей Михайлович рассуждает об образе Милочки как птички, которой кто-то может залюбоваться, ведь каждая «непременно должна встре-

тить своего особенного и единственного ценителя. А что таким единственным ценителем Милочки был наш Алеша — я очень сомневаюсь» [Пришвин, 2006, с. 178]. То есть брак был без любви, зато встреча на «озорной тропе» с механиком Сережей оказалась сразу окрашена рождением взаимного чувства: «Но это уж известно, что влюбляются люди друг в друга в одно какое-то единственное мгновенье, и часто из этого единственного мгновенья рождается целая жизнь» [Пришвин, 2006, с. 197]. Значит «невольная уступка», о которой упоминалось выше, не просто жалость, но следствие вспыхнувшего чувства, вопрос только в глубине этого чувства. Впрочем, рассказчик рассуждает и о том, что не только у встретившихся на «озорной тропе» молодых людей, но и в целом в народе война изменила отношение к легким связям, когда молодых мужиков в деревне почти не осталось, а те, кто остался, — инвалиды. И здесь автор следует исторической правде.

Ваня не является вполне глашатаем идей автора, но для читателя, хорошо знакомого с душевным миром Пришвина, очевидна близость Пришвина и его персонажа. На наш взгляд, важным для понимания общего смысла «Повести» является диалог Вани и Алеши о свободе личности. Позиция Алеши о приоритете освобождения общества была естественна для молодого Пришвина-марксиста. Однако дневниковые размышления зрелого писателя позволяют говорить о приоритете для него *личного* усилия, как это и бывает у христианина, который лично предстоит перед Богом и в своей внутренней свободе не зависит от состояния социума. Так и «Ваня упорно твердил, что людей освобождать можно, лишь поскольку они сами себя изнутри освободили, и что, значит, выход к добру можно найти только в себе самом» [Пришвин, 2006, с. 164].

Согласимся с А.Ю. Павловой, задающейся вопросом о правомерности фиксации внимательным читателем «религиозных моментов» в авторской позиции с оговоркой, что особенности этой религиозности «не стоит отождествлять с каноническим Православием» [Павлова, с. 85]. Возвращение Пришвина

к религии, и более того, — к регулярному посещению церкви в 1940–1950-х гг., связано во многом не только с собственными духовными поисками, но с огромным влиянием жены, Валерии Дмитриевны, которая (и это принципиально важно!) фактически вышла к Пришвину из недр русской катакомбной Церкви, свободной от издержек как прежнего казенного православия, так и обновленческой советской церкви. Пришвина постоянно поражает в его религиозной жене ее внутренняя свобода, раскрепощенность, отличающая ее от многих окружающих церковных людей, сам он, судя по дневникам его, постоянно озабочен проблемой отхода от коллективного обрядоверия к личному интимному богообщению.

Так или иначе, 23 декабря 1944 г. Пришвин ставит точку в попытках приспособления «Повести» к требованиям соцреализма (в том числе в части того, что положительная героиня не должна изменять мужу-фронтовику). В этот день он пишет Ф.И. Панферову, отменяя назначенное в очередной раз чтение:

> Дорогой Федор Иванович, один из планов моей повести — это что жена изменяет своему мужу на фронте и получает от автора моральное оправдание. Изменить этот план невозможно и печатать повесть, если бы и согласились, я бы не стал. Установив это твердо, я решил отменить чтение, назначенное на вторник. Вам не стоит тратить время (два-три часа) на бесполезное дело и мне тоже еще раз напрасно волноваться. Твердо говорю: до конца войны я не буду делать попыток печатать эту вещь. <…> [Пришвин, 2013, с. 372].

Герои повести поступают в соответствии с органической любовью, фактически по-христиански, хотя формально ни Сережа (о нем мы знаем мало), ни тем более Алеша, к христианам себя не причисляют, а Алеша-таки прямо отвергает религию.

Уже А.И. Хайлов вскоре после первой публикации пришвинской повести (Ярославское книжное издательство, 1957 г.) об-

ратил внимание на то, что «в развитии интимных отношений Милочки, Алеши и Сережи “Повесть нашего времени” внешне перекликается с романом Г. Николаевой “Жатва”, где Василий Бортников, возвратившись с войны, находит дома сложившуюся семью. Так же происходит и с Алешей — рассуждает далее исследователь. — Только он не соединяет своей судьбы с Милочкой, а оставляет ее с Сережей, ибо слишком разные они люди. Милочка, как и Ваня, в какой-то степени человек-потребитель, который “любит для себя, только для себя”» [Хайлов, с. 116]. При этом Хайлов замечает, что «глубокое различие между Милочкой и Алешей свидетельствует, что их разрыв был естественной необходимостью» [Хайлов, с. 116], не соглашаясь с автором предисловия к первой публикации «Повести» А. Семеновым, увидевшем в решении Алеши «добровольное мученичество» и «мораль самопожертвования».

В романе Г.Е. Николаевой любовная коллизия разрешается в целом по-иному, хотя проявляются и некоторые общие черты с ситуацией в «Повести нашего времени». Общим видится проявление чувства фронтового братства противостоящих друг другу мужчин, когда Василий Бортников, обнаружив в постели жены чужого, — уже заносит кулак на «разлучника» Степана, но увидев у того серьезный шрам на виске от ранения, вдруг понимает, что не в силах ударить его. Вторым фактором развязки драматической ситуации, правда, временной (в дальнейшем Степан уедет) становится попытка фронтовиков перевести разговор с кажущейся неразрешимой проблемы «любовного треугольника» на общественные дела, связанные с возрождением послевоенной деревни. Первый вопрос Василия к Степану: сколько осталось в деревне коммунистов, т. е. срабатывает характерная как для самой для эпохи, так и для литературы соцреализма мысль о приоритете общественного служения по отношению к личным делам, идея единства отвечающих за страну коммунистов.

Тем не менее, роман Николаевой вполне реалистичен в следовании жизненной правде, поскольку в дальнейшем выясня-

ется, что личное становится постоянной душевной болью, невзирая на общественное служение, — выясняется, что Авдотья по-прежнему любит уехавшего Степана, а он ее. Полная развязка драматической ситуации в «Жатве» связана уже не с мужскими образами, а с образом женским. Кстати, Пришвин в дневнике 1945 г. записывает: «За время войны Мужчина физически утратился и едва ли обрел что-нибудь духовно. Напротив Женщина и физически ничего не потеряла и духовно утвердилась в независимости от Мужчины» [Пришвин, 2013, с. 456].

В данном случае оба мужчины выглядят вполне достойными гражданами, но предложенное воспитанным в строгой старообрядческой семье Василием разрешение конфликта в пользу родительского долга, который выше любовных привязанностей, оказывается поначалу фактически неприемлемым для Авдотьи, успевшей привязаться к другому мужчине. Усилием воли связав детьми распавшуюся семью, супруги все больше отдаляются друг от друга, что вызывает нарастающее взаимное раздражение, требующее выхода. По ходу действия читателю логично ожидать ухода Авдотьи к Степану, но женщина оказывается способной на радикальный ход — оставляет обоих мужчин, забрав детей и начав собственную активную трудовую жизнь. Далее события развиваются в русле характерной для литературы соцреализма идеи совместного созидательного труда, который и призван разрешать конфликты. Год напряженного труда на общем колхозном поприще меняет всех участников любовного треугольника так, что Василий уже готов протянуть руку Степану, Авдотья возвращается к нему, но уже не усилием воли, а по искреннему чувству. Степан переживает, но находит в себе силы не пытаться как-то развернуть ситуацию вспять. Кстати, мысль о созидательном труде как факторе единения, пропитывающая роман Николаевой, волнует и Пришвина, она вполне проявится на страницах его «Осударевой дороги». Однако в разрешении конфликта через женский характер у Николаевой обращает на себя внимание характерная черта: весомость чувства жалости в женской любви. Окончательно возвращаясь с детьми

к Василию, Авдотья рассуждает сначала о муже, а потом о Степане характерным образом:

> Большой, сердитый на вид, а копни поглубже — сколько в нем еще от малого дитяти! Может, тем и дорог он мне, что в нем для меня — и суровый мужик, и малый ребенок! И никого в жизни у него нет и не было, кроме меня! Степа сильнее. Степа без меня легче обойдется, чем Вася [Николаева, с. 504–505].

Вариант разрешения коллизии через детей, скрепляющих распадающуюся семью, предложен Андреем Платоновым в рассказе «Возвращение»: о возвращении гвардии капитана Алексея Иванова в родной дом с фронта. Как пишут современные исследователи, «вечная, онтологически значимая ситуация Отца и Сына, имеющая своим истоком библейский сюжет, перевернута автором рассказа с ног на голову. Не блудный сын, а блудный отец возвращается с фронта в свою семью, к родному очагу» [Сатарова, Стюфляева, с. 59]. Сильная в художественном отношении заключительная сцена платоновского рассказа, когда растроганный отец, увидев отчаянно бегущих вдогонку ему детей, — возвращается в семью, совершенно не гарантирует разрешения ситуации в дальнейшем. Это очевидно, тем более, с учетом особенностей личности Иванова, для которого мужские измены вполне естественны. Платонов рисковал навести на себя обвинения в том, что проблема вечна и она не разрешается воспитанием «нового» советского человека, каковым надлежит быть советскому командиру Иванову. «Алексей Иванов оказывается настолько глух к своей семье, к собственным детям, что не сразу понимает, на какой зыбкой грани между жизнью и смертью существовали в его отсутствие жена и дети. Платонов глубоко переживал трагедию века: неспособность людей почувствовать и осмыслить окружающую реальность, заметить страдания близких», — пишет Н.М. Малыгина [Малыгина, с. 81].

Возвращение Иванова совершенно не похоже на возвращение Василия Бортникова, который в госпитале, до вернувшей ему силы операции, не хотел обременять собою, инвалидом, жену и не подавал ей вести. Но батумский хирург чудесным образом поставил его на ноги, и «теперь, когда он снова стал самим собой, снова возвращался к своей прежней жизни, его охватили такая тоска по семье и такая нетерпеливая любовь к ней, каких он не испытывал никогда» [Николаева, с. 159]. Василий, торопя время, буквально продирается сквозь метель домой. Капитан Иванов, напротив «откладывал» свидание: «В сущности, ему нужно было бы скорее ехать домой, где его ожидала жена и двое детей, которых он не видел четыре года. Однако Иванов откладывал радостный и тревожный час свидания с семьей. Он сам не знал, почему так делал, — может быть, потому, что хотел погулять еще немного на воле» [Платонов, с. 619]. Интересна психология Иванова, решившего по возвращении все-таки оставить семью — ради Маши, о которой он успел нафантазировать, что с нею ему будет хорошо, причем безо всяких на то оснований. А жене он не может простить ни безобидной дружбы с Семеном Евсеичем, ни эпизода «падения» с эвакуированным. Обратимся к внутренней речи героя: «Может быть, он и мог бы ее простить, но что это значит? Все равно его сердце ожесточилось против нее, и нет в нем прощения человеку, который целовался и жил с другим, чтобы не так скучно, не в одиночестве проходило время войны и разлуки с мужем. А то что Люба стала близкой к своему Семену или Евсею потому, что жить ей было трудно, что нужда и тоска мучили ее, так это не оправдание, это подтверждение ее чувства. Вся любовь происходит из нужды и тоски; если бы человек ни в чем не нуждался и не тосковал, он никогда не полюбил бы другого человека» [Платонов, с. 637]. Логика героя призвана всего-навсего оправдать чувство, ставшее причиной издевательств над женой во время их общения дома — сердечное ожесточение, которое закрывает путь любви.

Согласимся с Е.А. Яблоковым в том, что «несмотря на сложившуюся в платоноведении традицию трактовать финал

(“Возвращения”. — *А.С.*) как “хэппи-энд”, не может быть полной уверенности в том, что “шаг” Иванова навстречу детям оказался окончательным» [Яблоков, с. 108]. Любопытно, что Яблоков предлагает увидеть амбивалентность в семантике самого названия «Возвращение», имея в виду возможное будущее возвращение к «просторной Маше».

В концовке рассказа сказалась характерная для Платонова ориентация на мир детства как символ чистоты и правды жизни. «Дети — писала С.Г. Семенова, — оказываются у Платонова — больше общечеловеки, чем поляризованный, *половой* (т. е. половинный) взрослый, заряженный энергиями избирательного притяжения, но и отталкивания, любви и вражды. В детях же, в отличие от такого дуального эроса, естественно живет любовь другого, родственного типа» [Семенова, с. 268] (курсив оригинала. — *А.С.*).

Рассказ Платонова вышел в № 10–11 «Нового мира» за 1946 г. и стал жертвой жесткой критики, которая не могла простить автору антиномичности характера капитана Алексея Иванова. «Неужели страшный, пустой и враждебный мир рассказа — это советская страна в годы войны. Неужели Иванов, который “грелся где мог” <…> это тот “великий маленький человек”, который водрузил знамя победы над Берлином», — писала сразу по выходе рассказа Евгения Книпович [Книпович, с. 173]. Действительно, сама фамилия героя Иванов, да еще и вынесенная в название в той первой публикации («Семья Ивановых»), как бы усугубляла ситуацию, делая акцент на типичности героя как носителя самой массовой, ставшей этносимволом, русской фамилии.

В 1954 г. в журнале «Новый мир» появилась повесть основателя «лейтенантской прозы» Виктора Некрасова «В родном городе», завязка действия которой происходит через сцену возвращения в родной город для лечения в госпитале капитана Николая Митясова, обнаружившего подле своей жены чужого мужчину. Этот чужой оказывается тяжелораненым молодым лейтенантом Федей, которого выхаживала жена Николая Шура. Дальнейшее

движение сюжета к окончательному разрешению конфликта оказывается у Некрасова весьма замысловатым. Немедленно покинув дом изменившей ему жены, Николай начинает новую жизнь, которая сводит его с симпатичной девушкой, молоденькой преподавательницей вуза Валей. Отношения с ней чисто платонические, но Николай понимает, что ему нужно делать выбор: или возвращаться к законной жене, которая вскоре рассталась со своим новым спутником Федей, или разводиться и сочетаться законным браком с Валей, чтобы не морочить ей голову. Автор заставляет героя мучительно размышлять о характере отношений с женой, об истоках их брака, о способности своей простить или не простить. Совершенно очевидно и то, что измена Шуры была замешана на женской жалости и не более того.

Товарищ Митясова, летчик-инвалид Сергей, сам тайно влюбленный в Шуру, но не отдающий себе поначалу отчета в этом, уговаривает Николая вернуться в семью. Так сроком на один год возрождается внешне благополучная семейная жизнь Митясовых, однако внутри Николая продолжается борьба. «Когда он год тому назад пришел к Шуре и увидел ее плачущей, с тряпкой в руках, ему вдруг показалось, что вернулось прошлое и что лучше этого прошлого — дружного, хорошего, о котором так мечталось всю войну, — нет ничего на свете, но не получилось это дружное, хорошее, прежнее» [Некрасов, с. 379]. Николай пытается убедить себя, что новая любовь Валя осталась в прошлом, но приходит к выводу, что занимается самообманом, любви к жене нет, Валя по-прежнему живет в его душе и надо уходить из семьи навсегда.

Место его подле Шуры в будущем займет летчик Сережа, а судьба Николая в итоге возвратит его к Вале. Но, покидая жену, он еще не знает об этом, пытаясь осмыслить причины происходящего: «Вот жил он когда-то с Шурой. Любил ее. И она его. И ничего им больше не надо было. Потом воевал. Потом вернулся назад. Оказался Федя… Нет, не надо об этом говорить — Федя здесь не при чем, просто это было тем первым, что помешало. Именно помешало — осложнило — не больше. Большим было

другое» [Некрасов, с. 403]. Это «другое» все время ускользает от Николая: то ли это обида, то ли ревность мешает, то ли просто разлука все разрушила, то ли он стал другим за три года, то ли Шура изменилась… «Нет, и это не то <…> Не надо оправдывать себя, придумывать то, чего не было на самом деле», — заключает в итоге Митясов, решив сосредоточиться на учебе, живя одним днем и решая утилитарные задачи» [Некрасов, с. 403]. Но что тогда? И как дальше жить? Прямого ответа на эти, по существу экзистенциальные, вопросы ни герой, ни читатель не получает. Однако развязка предполагает неожиданно счастливый конец, благодаря осмыслению героями истинности своих чувств: Николая — к Вале, Сергея — к Шуре, а значит, побеждает истинная любовь.

Так, в изображении главного героя и всей интриги Некрасов идет вразрез с принципами «социалистического классицизма», изображая офицеров-фронтовиков неблагополучными с точки зрения морали типами: лейтенант Федя живет с чужой женой, герой-летчик Сережа до поры пьянствует и «прожигает» жизнь, главный герой Николай оставляет-таки семью и устремляется к своему новому увлечению... Но за всем этим стоит нравственная борьба героев, которые ищут себя в жизни и, действуя под влиянием не совсем понятных им сил (судьбы?), в то же время пытаются осмыслить неудачи, нелепости и загадки этой жизни. В этом отношении повесть Некрасова демонстрирует некий сдвиг от советского соцреализма-классицизма в сторону экзистенциализма, правда, в отличие от ставших классическими произведений западных экзистенциалистов, — финал некрасовской повести вполне оптимистичен.

Четыре автора по-разному разрешают проблему столкновения долга и сердечных привязанностей, оставаясь в целом в рамках сугубо реалистического подхода и поднимая весьма болезненную и актуальную проблему последних лет войны и первого послевоенного времени.

Дальнейшая судьба произведений оказалась очень непохожей: платоновский рассказ чудесным образом успел быть

опубликованным в самом начале послевоенного процесса «закручивания гаек» в литературе (Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» было принято 14 августа 1946 г.), но тут же навлек на себя страшный гнев официальной критики. Пришвинской повести, написанной в 1944 г., казалось бы, повезло больше в том смысле, что серьезной идеологической «крамолы» в ней не нашел даже сам Калинин, но опубликована она была только в 1957 г. Роман Николаевой многажды переиздавался, переводился на иностранные языки, удостоился Сталинской премии и был положен в основу успешного фильма «Возвращение Василия Бортникова», снятого Всеволодом Пудовкиным. Впрочем, сама автор романа вспоминала, что «внутренняя противоречивость образа (Василия. — *А.С.*) и внутренние конфликты вызвали многие нареканья со стороны проповедников теории бесконфликтности» [Николаева, с. 612], а целая глава романа была вообще снята цензурой.

Публикации повести Некрасова, конечно, помогла начавшаяся «оттепель» и феномен «Нового мира», оказавшегося в этот период под руководством А.Т. Твардовского (впрочем, вскоре все же снятого с должности главного редактора), но в 1958 г. повесть получила новый импульс общественного интереса после ее экранизации режиссером Владимиром Венгеровым под названием «Город зажигает огни».

Список литературы

Источники

Некрасов В.П. В родном городе // *Некрасов В.П.* В окопах Сталинграда: повести, рассказы СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 237–454.

Николаева Г.Е. «Жатва» // *Николаева Г.Е.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 158–604.

Платонов А.П. Возвращение // *Платонов А.* Малое собр. соч. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 617–638.

Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; ст., коммент. Я.З. Гришиной. М.: Новый хронограф, 2013. 944 с.

Пришвин М.М. Повесть нашего времени // *Пришвин М.М.* Собр. соч.: в 3 т. / сост. Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. Т. 3. С. 147–226.

Исследования

Книпович Е. Журнал «Новый мир» № 10–11, 1946 // Знамя. 1947. № 2. С. 173–174.

Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПГУ, 1995. 92 с.

Николаева Г.Е. Как я работала над романом «Жатва» // *Николаева Г.Е.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 606–612.

Павлова А.Ю. Национально-религиозное пространство в «Повести нашего времени» М.М. Пришвина // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 4. С. 84–87.

Подоксенов А.М., Телкова В.А. Пришвин и Калинин: образ «всесоюзного старосты» в Дневнике писателя // Философия и культура. 2021. № 1. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.1.35161 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35161 (дата обращения: 15.09.2023).

Сатарова Л.Г., Стюфляева Н.В. Мотивы всепрощения, сострадания и милосердия в рассказах А. Платонова «Возвращение» и М. Шолохова «Судьба человека» // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: Филология, журналистика. 2021. № 1. С. 58–61.

Семенова С.Г. Тайное тайных Андрея Платонова (смерть, эрос, пол) // *Семенова С.Г.* Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: ПоРог, 2004. Т. 2. С. 215–270.

Хайлов А.И. Михаил Пришвин. Творческий путь. М.; Л.: АН СССР, 1960. 164 с.

Яблоков Е.А. Повторение пройденного. («вечное возвращение» в рассказах А.П. Платонова) // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград, 2015. № 1. С. 98–110.